

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 **Металл цвета крови / Александр Тамоников.** —
Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.— (СМЕРШ — спецназ
Сталина).

ISBN 978-5-04-105083-2

1941 год. Во время эвакуации ценностей из дворцового комплекса под Ленинградом таинственным образом пропала экспозиция «Изумрудной кладовой». Подготовленный к отправке груз не пришел в пункт назначения, но, как выяснилось позже, не достался он и немцам. После освобождения района от оккупации выяснить судьбу уникальной коллекции поручено майору СМЕРШа Олегу Березину. Ему удастся найти выживших свидетелей тех событий, но подробностей спешного отъезда уже никто не помнит. Тайна приоткрывается только тогда, когда Березин вступает в схватку с неизвестными, которые точно знают, за чем охотятся...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105083-2 © Тамоников А.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

17 сентября 1941 г.

С юга доносилась канонада. Гудели бомбардировщики, перепахивая рваные порядки отступающей Красной Армии.

Водитель с бледным лицом и петлицами сержанта резко затормозил, едва не проскочив распахнутые ворота в узорчатой ограде. За высокой изгородью, смутно напоминающей решетку Летнего сада, простиралось обширное парковое хозяйство.

Он выкрутил баранку до упора, сдал назад. Разболтанный «ГАЗ-4» с укороченным кузовом и кабиной от полуторки въехал на широкую гравийную дорожку. В парке не было ни одной живой души. Входные билеты сегодня не продавали.

Пассажиров на крутом вираже едва не выбросило из кузова. Они возмущались, но не слишком грубо — мешало присутствие здесь же русоволосого лейтенанта госбезопасности. Он кусал губы, вертел головой, вцепившись в борт. В кузове помимо лейтенанта находились шесть бойцов из оперативных войск НКВД — темно-зеленые гимнастерки, фуражки с красными околышами и синими тульями. В кабине рядом с водителем — капитан госбезопасности — постарше лейтенанта, крепкого сложения, с острыми скулами.

Машина неслась по обезлюдевшему парку, мелкий гравий вылетал из-под колес. Желающих приобщиться к прекрасному сегодня не было — все кончилось, внезапно и бестолково. Парк был пуст. Шумели липы и клены, высились развесистые дубы с тронутыми осенней желтизной листьями. Разбегались пешеходные дорожки с коваными лавочками.

Дворцово-парковая зона была обширной, лесистая часть уже расступалась. В разрывах листвы показался Аннинский дворец — одна из летних резиденций императрицы Анны Иоанновны. В плане — сектор окружности, два рослых этажа, золотисто-салатовый колер, идеально гармонирующий с зеленью окрестных садов. Северная сторона — вереница резных пилястр и фальшколонн с вычурными капителями, в средней части — сферический купол со смотровой площадкой.

Перед дворцом раскинулся живописный парк, но сегодня он был пуст. Кусты и траву давно не постригали, желтела опавшая листва. Возвышались скульптуры в античном стиле — одетые и не совсем...

В левой части здания красовался высокий арочный проезд — туда и вела главная дорога, устланная цветным гравием. Машина неслась мимо парковых красот, казавшихся атрибутами вчерашнего дня.

Из арки навстречу выбиралась «эмка» — машины угрожающе сближались. Водитель грузовика пронзительно засигналил, призывая к остановке. Машины встали, как быки, упершись лбами. Пассажиры подались к переднему борту, приготовив самозарядные винтовки Токарева. Лейтенант привстал,

МЕТАЛЛ ЦВЕТА КРОВИ

стал всматриваться. Из кабины выпрыгнул капитан, размашисто зашагал к «эмке». Навстречу ему бежал взерошенный субъект в штатском: под курткой неплохой костюм, мятый галстук съехал набок. Он заметно нервничал.

— Вы кто такие, черт возьми? — Субъект судорожно рылся в брючном кармане, извлекая документы. — Я второй секретарь Пушкинского горкома Савушкин. Обьезжаю вверенные объекты, контролирую процесс эвакуации...

— Капитан госбезопасности Клыков, — козырнул капитан. — Прислан из Ленинграда для вывоза материальных ценностей. Это лейтенант госбезопасности Березин, — кивнул он на офицера в кузове. — Давайте-ка посмотрим ваши документы...

— Теряем время, товарищ капитан, — проворчал лейтенант Березин. — Это действительно Савушкин, я его знаю...

Вздрогнула земля — снаряды и бомбы рвались уже в километре к югу от дворца. Нарастал гул самолетов. Лица людей были бледны, от недосыпа и постоянного напряжения воспалились глаза.

— Вот видите! — взвизгнул Савушкин, вырывая у капитана свои бумаги. — Делайте свою работу, капитан, а я буду делать свою! Вас заждались во дворце. Немцы появятся с минуты на минуту, а мне еще в Пушкин ехать!

— Удачи, товарищ Савушкин. — Капитан наблюдал исподлобья, как второй секретарь ныряет в машину. «Эмка» объехала грузовик, понеслась по дорожке. — Хрен ему, а не Пушкин! — злобно сплюнул

капитан. — Слышишь, лейтенант, грохочет и на западе, и на востоке? Немцы уже везде — и в Пушкине, и в Слуцке, и в Красном Бору... Демочкин, почему стоим? — крикнул он водителю, запрыгивая в кабину. — Поехали, само не придет!

Действительно припозднились — попали в затор, выезжая из города. Беженцы уходили в Ленинград, море транспорта — и все навстречу. Пришлось пробиваться через людскую массу, искать объездные пути...

Справа осталось забитое досками северное крыльцо Аннинского дворца. Машина нырнула в арочный проезд, вынырнула в южном саду, который по красоте не уступал северному парку. Просторный двор с газонами и клумбами, далее местность террасами спускалась к югу — их связывали белокаменные лестницы. Газоны, скульптурные композиции, огромный неработающий фонтан, окруженный львами, — фактически на краю террасы. Внизу — лужайки, беседки, флигели, закрытые павильоны для отдыха и развлечений.

Территория дворца находилась на возвышении. С нее просматривался южный лес: над ним вставали клубы дыма. За лесом село Красивое — там, похоже, шел бой. Слева, за лесополосой, городок Никольск. Бой смещался к нему — туда откатывались отступающие части Красной Армии...

Водитель объезжал разбросанные ящики, груды мусора. Небо гудело — восточнее дворца на Ленинград шли вражеские самолеты. Они словно призраки — то появлялись между облаками, то пропадали.

МЕТАЛЛ ЦВЕТА КРОВИ

— Товарищ лейтенант госбезопасности, это что же творится? — бормотал, сжимая цевье винтовки, младший сержант Яранцев. — Почему мы просто так уходим? Мы же не сдаем Ленинград? Это уму непостижимо...

— Заткнитесь, младший сержант, — процедил сквозь зубы Березин, — и выполняйте приказы, тогда все будет хорошо.

Машина подкатила к помпезному крыльцу. Здесь суетились люди в штатском — выволакивали из здания коробки и мешки. Катился по ступеням металлический кубок, за ним бежала растрепанная женщина в старой кофте.

Бойцы НКВД по команде выпрыгивали из кузова. Хлопнув дверью, из кабины вывалился капитан Клыков, бегло осмотрелся. От грохота разрывов в Никольске здесь уже закладывало уши. Самолеты ушли на Ленинград, но гул снова нарастал — подходила новая лавина бомбардировщиков. Облака висели низко — поди пойми, куда они летят.

Поблескивали глубокие впадины окон. Обилие лепнины, декоративной скульптуры. Мускулистые атланты подпирали выступы фасада. Боковые части здания представляли собой портики — полуоткрытые помещения, там крышу поддерживали колонны. К западному крылу примыкала дворцовая церковь — матово отливали золоченые купола.

— Ну, наконец-то... — С крыльца спускался грузный пожилой мужчина в очках. От волнения у него подрагивала нижняя челюсть. — Нам позволили, что вы выехали, но вас так долго не было... —

Он сжал протянутую капитаном руку, нервно за-
тряс. — Родман Михаил Борисович, директор пар-
ка-музея... Знаете, товарищи, все происходит, как во
сне, трудно поверить, что это на самом деле... Такое
не поддается никакому логическому осмыслению...

— Делайте свое дело, товарищ Родман, — Клы-
ков показал директору служебное удостоверение, —
а выводы из происходящего будут делать другие.
И исправлять ситуацию будут другие. Все готово? —
Он возмутился, осматриваясь вокруг: — Где груз,
черт вас подери?

Директор закашлялся, схватился за массивные
перила, громко засопел. Похоже, у него пошаливало
сердце.

— Все в порядке, товарищ офицер, мы все по-
грузили и упаковали своими силами... — сообщила
растрепанная женщина лет сорока, прижимая
к груди увитую узорами бронзовую чашу. — У нас
было двое мужчин... без них мы бы не справились...
Все упаковали по инструкции, как положено, в гер-
метичные контейнеры... Груз осмотрел товарищ Са-
вушкин, второй секретарь Пушкинского горкома,
он недавно выехал, вы должны были с ним встре-
титься... Ой, простите, я не представилась: Алла
Григорьевна Шепелева, старший научный сотруд-
ник музея...

— Где груз, черт возьми? — начал раздражаться
Клыков.

— Товарищ офицер, ведите себя прилично! —
осадила его стройная молодая женщина с корот-
кими волнистыми волосами. — Вы еще матом нас

МЕТАЛЛ ЦВЕТА КРОВИ

покройте, только этого не хватает... Самолеты летали... один прошел совсем низко над дворцом, мы думали, огонь по нам откроет, бросились врассыпную... Алла Григорьевна посоветовала Михаилу Борисовичу отвезти машину в гараж — это здесь, рядом... Да и вас долго не было... Машина в гараже, наш водитель тоже там, его фамилия Фонарев...

— А вы кто такая? — Клыков уставился на женщину.

— Я... — она шумно выдохнула, покосилась на лейтенанта Березина, словно ища защиты. — Черкасова Юлия Владимировна, сотрудница музея, искусствовед...

— Михаил Борисович, с вами все в порядке? — бросилась к директору немолодая седовласая женщина. — Вам плохо? Сердце прихватило?

— Все хорошо, Зинаида Ивановна... — Директор шумно выдохнул, промокнул платком вспотевший лоб. — Такая бездна напряжения в эти дни... Возьмите, товарищи офицеры... — Он вынул из внутреннего кармана сложенные вчетверо листы, протянул лейтенанту Березину: — Это опись приготовленных к эвакуации предметов коллекции... Прошу прощения, что написано от руки, у нас не было времени. Но там все понятно, у Зинаиды Ивановны каллиграфический почерк...

Березин, поколебавшись, отдал бумаги Клыкову. Тот поморщился, бегло проглядел список, сложил листы, сунул в брючный карман.

— Показывайте, где ваш гараж. Березин, Демочкин, со мной, остальным оставаться здесь.

— Пойдемте, я покажу. — Из-за фонтана вынырнул худощавый мужчина лет тридцати пяти. — Это рядом... Моя фамилия Вишневский, я заведую хозяйственной частью музея...

Все неволью присели — два взрыва прогремели за павильонами. Такое впечатление, что снаряды разорвались в одной точке. Взметнулась земля, обрывки кустарника, развалилась часть павильонной стены.

Побледнела и попятилась Юлия Владимировна. Заткнула уши Алла Григорьевна Шепелева, забормотала что-то невнятное.

— Они же не станут этого делать, Михаил Борисович? — заламывала руки Зинаида Ивановна. — Они же не посмеют разрушить такую красоту, они ведь считают себя цивилизованной нацией...

— Плохо вы их знаете, Зинаида Ивановна... — Директор перевел дыхание. — Все, товарищи, прячьтесь куда-нибудь... Все в арку!

— Персоналу музея немедленно покинуть территорию! — кричал, срывая голос, Клыков. — Вы сделали свое дело, уходите! Где вы живете, в Никольске? Вот туда и бегите! А если там бой, отсидитесь в лесу! Или прорывайтесь в Ленинград, есть у вас дополнительный транспорт? Извините, мы не можем взять вас с собой — у нас ответственное задание и нет пассажирских мест...

Его крики потонули в грохоте разрывов.

Сотрудников музея было около десятка. Они бежали к арке. Происходило что-то страшное, не поддающееся разумному объяснению. Почему немцы

МЕТАЛЛ ЦВЕТА КРОВИ

разрушают дворцовый ансамбль? Здесь же нет обороняющихся! Они прекрасно видели, что здесь находится! Стреляли из леса — танки, полевая артиллерия. Никольск на востоке затянуло черным дымом. Взрывалась густая лесополоса.

Несколько снарядов залетели на дворцово-парковую территорию. Обрушилась белокаменная лестница в районе фонтана, другой снаряд разметал клумбу. Третий угодил в здание дворца — в районе чердака над аркой. Вздрыбилась крыша, посыпались обломки, но перекрытие арки выдержало.

Часть людей помчались обратно, другие кинулись в сквер. Женщины поддерживали с трудом бредущего директора.

Лестница справа от фонтана была еще целой. Вишневский прыгнул на нее, давая понять, что это кратчайший путь, замахал рукой — давайте за мной. Офицеры и сержант Демочкин бежали следом.

Гараж находился фактически рядом, в низине, и был замаскирован под окружающие постройки — сразу и не скажешь, что это гараж — окрашен в салатовые тона, крыша с вычурным карнизом. Ворота нараспашку, раздваивалась подъездная дорожка — одна уходила к запасным воротам, другая огибала фонтаны и парк.

Вишневский спрыгнул с лестницы, засеменял к гаражу. Клыков споткнулся, выругался, подвернул щиколотку. Как не вовремя! Отмахнулся от протянутой руки, захромал. Березин вертел головой. Обстрел стихал — видно, немцы сообразили, что напрасно изводят боеприпасы. Огонь перекинулся на

Никольск — там отступающие советские части делали попытки закрепиться в городе.

Гаражное хозяйство имело сквозной выезд. Напротив въезда — еще одни ворота, слава богу, закрытые; по ним как раз молотили осколки от рвавшихся в стороне снарядов.

Гараж был просторный. Из полумрака выступали очертания грязной полуторки, за ней — автобус со снятым колесом — рессору поддерживала стопка кирпичей. Мятая «эмка», напротив — еще какие-то машины.

Полуторка была готова. С подножки спрыгнул невысокий упитанный мужчина, устремился к офицерам.

— Прибыли, ну, наконец-то, товарищи, и часа не прошло... — бормотал он, заметно заикаясь. — Все готово, можем ехать... А то прыгаю тут и гадаю — накроет бомбой, не накроет...

— Вы Фонарев? — спросил Березин.

— Да, я... — Мужичонка сглотнул. — Числюсь штатным работником государственного предприятия... загрузили.

— Вишневский, Фонарев, вскрыть пару ящиков.

Груз, обтянутый брезентом, занимал переднюю часть кузова. Остальное пространство было свободно. Работники музея оторвали брезент, прибитый гвоздями.

Продолговатые деревянные контейнеры напоминали снарядные ящики. Возможно, они не были герметичными, но этого и не требовалось. Восемь единиц тары, в три ряда — не такой уж объемный груз.

МЕТАЛЛ ЦВЕТА КРОВИ

Крепежные устройства с защелками были опломбированы. Вишневецкий колебался, правильно ли он понял команду — капитану пришлось прикрикнуть, только тогда он начал срывать пломбы.

Со скрежетом приоткрылся один из ящиков. Груз был устлан соломой. Клыков отстранил Вишневецкого, пристроился на корточки, стал ее ворошить. Березин отпихнул Фонарева, сел рядом. Много соломы, несколько слоев оберточной бумаги — груз паковали спешно, использовали что было под рукой.

— Вот же мать честная... — пробормотал Клыков.

Зрелище впечатляло! В свете фонаря переливались драгоценные камни, встроенные в лакированные панели, блестели шкатулки, ювелирные украшения. Отсвечивало золото, благородная платина. Березин сглотнул — ком подкатил к горлу.

— Да, все правильно, — проворчал Клыков, — закрывайте. Теперь вон тот ящик, — он ткнул в контейнер у противоположного борта.

Работники сопели, наступали друг другу на ноги. Сержанта Демочкина на это мероприятие не пригласили. Он сиротливо мялся за бортом, вытягивал шею, опасливо поглядывал на распахнутые ворота.

Во втором контейнере оказались ювелирные украшения, они были разложены по шкатулкам. Снова панели с инкрустациями, свитки, скрученные рулонами картины, овальные предметы, завернутые в плотную ткань. На упаковку шла даже старая одежда.

— Закрывайте, — распорядился Клыков.